ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ ИДИОМ XIX ВЕКА НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ, И. С. ТУРГЕНЕВА И А. П. ЧЕХОВА)

Аблаева Надира Кадамжановна
старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы
Университет Маъмуна
nadiraablaeva@gmail.com
Мансурова Рушонгуль Масимовна
старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы
Университет Маъмуна

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокультурных трудностей, возникающих при переводе русских идиоматических и фразеологических единиц XIX века на узбекский язык. Материалом исследования послужили устойчивые выражения, представленные в художественной прозе Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Актуальность исследования обусловлена тем, что идиоматические единицы являются не только компонентами языковой системы, но и важнейшими носителями национально-культурной информации, исторической памяти, социальных представлений и особенностей образного мышления. В статье рассматриваются семантические, образные, стилистические, историко-культурные и прагматические аспекты переводческой эквивалентности. Особое внимание уделяется случаям, когда русскому фразеологизму соответствует узбекская единица с близким значением, но иной образной структурой, а также ситуациям фразеологической безэквивалентности. На материале произведений Гоголя, Тургенева и Чехова выявляются основные переводческие стратегии: подбор фразеологического эквивалента, использование фразеологического аналога,

калькирование, описательный перевод, лексико-семантическая трансформация и компенсация. Делается вывод о необходимости комплексного учета не только словарного значения идиомы, но и ее национально-культурной семантики, стилистической маркированности, авторской интенции и контекстуальной функции.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, русская литература XIX века, узбекский язык, художественный перевод, лингвокультурология, фразеологическая эквивалентность, безэквивалентная лексика, переводческая трансформация, национально-культурная семантика.

Введение. Фразеологический фонд языка представляет собой один из наиболее значимых компонентов национальной языковой картины мира. Устойчивые выражения аккумулируют исторический опыт народа, особенности его мировосприятия, социальные представления, нормы поведения и национально-культурные стереотипы. В силу этого фразеологическая единица в художественном тексте выступает не только как средство номинации определенного явления, но и как носитель дополнительной культурной, эмоционально-оценочной и стилистической информации. В. В. Виноградов, рассматривая фразеологические единицы с точки зрения степени семантической спаянности компонентов, подчеркивает специфику их целостного значения и невозможность полного сведения значения устойчивого сочетания к значениям входящих в него слов [Виноградов, 1977, с. 140–161].

Особую актуальность проблема приобретает при переводе художественной литературы XIX века с русского языка на узбекский. Русская классическая литература данного периода отличается активным использованием разговорной, просторечной, народно-поэтической и социально маркированной фразеологии. В произведениях Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и А. П. Чехова устойчивые выражения выполняют не только номинативную функцию, но и участвуют в формировании авторской стилистики, речевой характеристики персонажей, создании комического или иронического эффекта и передаче национального колорита.

Проблема перевода фразеологических единиц определяется прежде всего отсутствием абсолютной межъязыковой симметрии. Даже при наличии в языке перевода единицы с аналогичным денотативным значением могут наблюдаться расхождения в компонентном составе, внутренней форме, эмоционально-оценочной характеристике и сфере употребления. В. Н. Комиссаров связывает адекватность перевода с необходимостью воспроизведения содержания и коммуникативного воздействия исходного текста посредством средств языка перевода [Комиссаров, 1990, с. 51–65].

Для русско-узбекского перевода указанная проблема имеет дополнительное значение вследствие существенных различий между языковыми и культурными системами. Русские идиомы XIX века нередко отражают реалии дворянского, чиновничьего, крестьянского и городского быта Российской империи, тогда как узбекская фразеология формировалась в иной историко-культурной среде. Следовательно, формально близкий перевод не всегда способен обеспечить сохранение исходного культурного содержания.

Исследование метафорических единиц тесно смыкается с изучением образной основы малых фольклорных и поэтических жанров, где метафорический перенос выступает фундаментальным способом образного моделирования действительности [Мадрахимова, 2024, с. 166–171].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных лингвокультурных трудностей передачи русских устойчивых выражений XIX века на узбекский язык и определении наиболее эффективных способов их перевода на материале произведений Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и А. П. Чехова.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить основные типы фразеологических единиц, значимые для художественного перевода; выявить семантические, стилистические и культурные компоненты русских идиом; сопоставить их с возможными узбекскими соответствиями; установить основные переводческие трансформации и определить условия их применения.

Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении русской художественной фразеологии XIX века в русско-узбекском переводческом аспекте с учетом не только семантической, но и лингвокультурной и прагматической эквивалентности.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют положения современной фразеологии, лингвокультурологии и теории художественного перевода. В качестве базового используется сопоставительный подход, позволяющий выявить сходства и различия между русскими фразеологическими единицами и их узбекскими соответствиями.

Основным методом является сопоставительно-семантический анализ, посредством которого устанавливается соотношение значения исходной русской идиомы и ее возможного узбекского соответствия. При этом учитывается не только словарная дефиниция, но и актуализированное контекстом значение.

Важное место занимает контекстуальный анализ, поскольку художественная фразеологическая единица способна приобретать дополнительные значения в конкретной речевой ситуации. В частности, одно и то же выражение может реализовывать значение иронии, неодобрения, эмоционального напряжения или социально-психологической характеристики персонажа.

Используется также лингвокультурологический метод, направленный на выявление национально-культурного компонента значения. В рамках данного подхода фразеологизм рассматривается как единица, в структуре которой отражаются культурные знания и исторические представления носителей языка. Такой подход особенно значим для исследования идиом, содержащих реалии русского быта XIX века.

Для определения переводческих решений применяется метод переводческих трансформаций. Выделяются следующие способы передачи устойчивых выражений:

использование полного или близкого фразеологического эквивалента;

подбор фразеологического аналога;

калькирование;

лексико-семантическая замена;

описательный перевод;

компенсация утраченной образности или экспрессивности.

Выбор конкретного приема определяется характером фразеологической единицы, ее семантикой, стилистической маркированностью и функцией в художественном контексте. В теории перевода подобный принцип соответствует пониманию переводческой эквивалентности как многоуровневого соответствия содержания оригинала и текста перевода [Комиссаров, 1990, с. 51–65].

Материалом исследования являются устойчивые выражения и фразеологизированные конструкции, функционирующие в художественных произведениях Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и А. П. Чехова, а также их возможные функционально-семантические соответствия в узбекском языке.

Результаты исследования

1. Семантическая эквивалентность русских и узбекских фразеологизмов

Сопоставительный анализ показывает, что наиболее благоприятными для перевода являются случаи, когда в узбекском языке существует фразеологизм, совпадающий с русской единицей не только по значению, но и по образной основе.

Показательным примером является русское выражение «ломать голову», обозначающее напряженную мыслительную деятельность. В узбекском языке ему соответствует выражение bosh qotirmoq, которое также основано на образе головы и означает «усиленно думать, искать решение». В данном случае наблюдается высокая степень межъязыковой эквивалентности: сохраняются семантика, метафорическая модель и разговорная экспрессивность.

Подобные соответствия являются наиболее желательными при переводе художественного текста, поскольку позволяют избежать семантических потерь и одновременно сохранить образность оригинала.

Вместе с тем наличие общего значения не всегда предполагает совпадение стилистических характеристик. В. В. Виноградов отмечал, что фразеологические единицы обладают различной степенью семантической целостности и различаются характером связи компонентов [Виноградов, 1977, с. 140–161].

Поэтому при сопоставлении необходимо учитывать не только значение фразеологизма, но и особенности его функционирования.

2. Проблема фразеологической безэквивалентности

Особую группу составляют русские устойчивые выражения, для которых в узбекском языке отсутствует прямой фразеологический эквивалент. Подобная ситуация характерна прежде всего для идиом, тесно связанных с историческим и бытовым укладом русского общества XIX века.

Например, выражение «дело в шляпе», использованное И. С. Тургеневым, имеет значение «дело решено, всё устроено». Однако буквальная передача его компонентов на узбекский язык не обеспечивает воспроизведения идиоматического значения. В данном случае функционально оправданным оказывается использование конструкции, передающей завершенность дела, например ish bitdi или ish hal bo‘ldi, в зависимости от контекста.

Однако подобная замена сопровождается утратой исходного образа. Поэтому возникает необходимость оценивать перевод не только с позиции семантической, но и с позиции стилистической эквивалентности.

Комиссаров подчеркивает, что при переводе необходимо учитывать функциональное значение языковой единицы и ее роль в структуре сообщения [Комиссаров, 1990, с. 51–65].

В отношении фразеологизмов это означает, что сохранение общего смысла может быть важнее формального воспроизведения компонентов.

3. Фразеология Н. В. Гоголя как носитель национального колорита

В произведениях Н. В. Гоголя фразеологические единицы тесно связаны с изображением русского национального быта. Писатель активно использует

разговорные и народные выражения, посредством которых формирует речевой портрет персонажей и создает сатирическую картину общества.

Особенность гоголевской фразеологии заключается в том, что устойчивое выражение часто функционирует одновременно на нескольких уровнях. На семантическом уровне оно обозначает определенную ситуацию; на стилистическом — характеризует речь персонажа; на культурном — актуализирует представления, характерные для русской языковой картины мира.

В «Мёртвых душах» фразеологические и идиоматизированные выражения участвуют в создании своеобразной речевой ткани произведения. Поэтому замена русской идиомы нейтральной узбекской лексемой может сохранить денотативное значение, но привести к снижению экспрессивности.

Например, при переводе выражения «ломать голову» узбекское bosh qotirmoq является оптимальным решением именно потому, что оно позволяет сохранить национально-языковую образность. Если же переводчик использует нейтральную конструкцию со значением «думать», то происходит нейтрализация фразеологической экспрессии.

Таким образом, в отношении гоголевского текста приоритетным является сохранение образно-стилистического потенциала идиомы.

4. Фразеология И. С. Тургенева и социальная характеристика персонажа

В произведениях И. С. Тургенева устойчивые выражения часто выполняют функцию социальной и психологической характеристики персонажей. Особенно значима разговорная фразеология в диалогах, где она отражает уровень образования, социальную принадлежность и коммуникативное поведение говорящего.

Выражение «дело в шляпе» в «Отцах и детях» демонстрирует зависимость фразеологического значения от речевой ситуации. Его семантика связана с успешным завершением дела, однако контекст придает выражению оттенок разговорности и иронии.

В узбекском переводе передача только значения «дело решено» будет семантически приемлемой, но стилистически неполной. Для достижения

функциональной эквивалентности необходимо выбрать такую узбекскую конструкцию, которая в соответствующем контексте также обладает разговорной окраской.

Следовательно, перевод тургеневской фразеологии требует учета социолингвистического компонента. Идиома характеризует не только описываемую ситуацию, но и человека, который ее употребляет.

5. Чеховская идиоматика и прагматический аспект перевода

Особую сложность представляет фразеология А. П. Чехова. В его произведениях устойчивые выражения часто являются частью естественной разговорной речи и обладают значительным прагматическим потенциалом.

Например, конструкция «Бог знает что» может выражать различные оттенки: удивление, раздражение, растерянность, недовольство или оценку ситуации как хаотичной. Ее актуальное значение определяется контекстом и интонацией.

В узбекском языке выражение Xudo biladi формально и семантически близко русскому варианту. Однако в конкретном художественном контексте необходим анализ его прагматической функции. Если русская конструкция выражает эмоциональное возмущение, нейтральное соответствие может оказаться недостаточно экспрессивным.

Таким образом, при переводе Чехова на первый план выходит прагматическая эквивалентность. Переводчик должен стремиться сохранить не только предметно-логическое содержание идиомы, но и коммуникативное намерение персонажа.

6. Основные переводческие стратегии

Проведенный анализ позволяет систематизировать способы передачи русских идиом на узбекский язык.

При наличии полного эквивалента наиболее эффективным является фразеологический перевод. Он обеспечивает максимальное сохранение семантики и образности.

Если полное соответствие отсутствует, используется фразеологический аналог. В этом случае образная структура меняется, но сохраняется основное значение и коммуникативная функция.

При невозможности подбора узбекской идиомы применяется описательный перевод. Его преимущество заключается в точности передачи содержания, однако он способен нейтрализовать экспрессивность оригинала.

Калькирование допустимо только в тех случаях, когда структура исходного выражения может быть естественно воспринята в языке перевода.

Наконец, компенсация позволяет восполнить утраченную образность посредством другого элемента контекста. Именно этот способ представляется особенно эффективным при переводе художественной фразеологии, поскольку художественный текст представляет собой целостную систему, а не механическую совокупность отдельных языковых единиц.

Таким образом, выбор переводческого решения должен осуществляться по принципу функциональной и лингвокультурной эквивалентности.

Заключение

Исследование русских устойчивых выражений XIX века на материале произведений Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и А. П. Чехова показывает, что перевод идиом на узбекский язык представляет собой многоуровневую лингвокультурную проблему.

Основная трудность заключается в том, что фразеологизм является одновременно языковой, образной, стилистической и культурной единицей. Поэтому буквальное воспроизведение его компонентов далеко не всегда обеспечивает адекватность перевода. В ряде случаев семантически точный перевод сопровождается утратой национально-культурного или экспрессивного компонента.

Наиболее высокий уровень эквивалентности достигается при наличии в узбекском языке фразеологизма с совпадающей семантикой и близкой образной структурой. При отсутствии прямого соответствия предпочтительными являются функционально-семантический аналог, описательный перевод и компенсация.

Сопоставление идиоматики трех писателей позволяет установить определенную специфику. У Н. В. Гоголя фразеологические единицы преимущественно участвуют в создании национального колорита и сатирической образности; у И. С. Тургенева они тесно связаны с социальной и психологической характеристикой персонажей; у А. П. Чехова особую значимость приобретает их разговорно-прагматическая функция.

Следовательно, адекватный перевод русских идиом XIX века на узбекский язык предполагает комплексный анализ семантической, образной, стилистической, прагматической и лингвокультурной составляющих. В соответствии с теорией переводческой эквивалентности необходимо ориентироваться не на формальное совпадение языковых единиц, а на максимально полное воспроизведение их функционального значения в художественном контексте [Комиссаров, 1990, с. 51–65].

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется создание сопоставительной русско-узбекской базы фразеологических единиц XIX века с указанием их семантики, культурной маркированности, стилистического статуса и конкретных переводческих соответствий в произведениях русских классиков.

Литература:

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.

2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 250 с.

3. Мадрахимова З. Ф. Литературные загадки в детской поэзии: описание, история создания // Journal of Innovation in Education and Social Research. — 2024. — Vol. 2, No. 1. — P. 166–171.

4. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288

5. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 416 с.

6. Гоголь Н. В. Мёртвые души. М.: Художественная литература.

7. Тургенев И. С. Отцы и дети. М.: Художественная литература.

8. Тургенев И. С. Вешние воды. М.: Художественная литература.

9. Чехов А. П. Рассказы и повести. М.: Художественная литература.

10. Саломов Г. Проблемы художественного перевода. Ташкент: Фан, 1980.

10.Мусаев Б. М. Русско-узбекская зооморфная фразеология в лингвокультурном аспекте: семантика, оценка и национальная специфика // Наука и инновации. 2026. Т. 4. № 33. С. 139–142.